

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ
Федерального государственного бюджетного научно-
исследовательского учреждения
«Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева»

А. Н. Еремеева

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ
1914–1920 гг.
И ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Препринт
Серия: Теория и история культуры
Номер: 002-2016-ТНС

Краснодар
2016

SOUTHERN BRANCH
of the Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Anna N. Eremeeva

**INTELLECTUAL MIGRATION 1914–1920
AND ITS SOCIO-CULTURAL IMPLICATIONS**

Basic Research Program Working Papers
Series: Theory and History of Culture
Number: 002-2016-THC

Krasnodar
2016

Еремеева А. Н.

Интеллектуальная миграция 1914–1920 гг. и ее социокультурные последствия

Реконструируются причины, основные направления, особенности и социокультурные последствия интеллектуальной миграции 1914-1917 и 1918-1920 гг. Автор доказывает, что массовые перемещения научной интеллигенции из Петрограда и Москвы на окраины России, совместная деятельность столичных и региональных ученых способствовали изменению географии науки и высшего образования.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, научная интеллигенция, Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, регионы России

Препринт Южного филиала Института Наследия. Сер.: Теория и история культуры. № 002-2016-ТНС.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 13-01-00018а «Ученые в условиях гражданского противостояния: практики выживания».

Мнение автора, выраженное в настоящем препринте, не обязательно является точкой зрения Южного филиала Института Наследия.

Anna N. Eremeeva

Intellectual Migration 1914–1920 and Its Socio-Cultural Implications

This text attempts to reconstruct reasons, the main directions, features and socio-cultural effects of intellectual migration in 1914-1917 and 1918-1920. The author proves that the mass migration of intellectuals from Petrograd and Moscow to the regions of Russia, joint activities of the capital and regional scientists contributed to the changing geography of science and higher education.

Keywords: intellectual migration, scientific intelligentsia, the First World War, the Revolution of 1917, the Civil War, the Russian regions.

Basic Research Program Working Papers of the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Series: Theory and History of Culture. Number: 002-2016-ТНС.

The research was conducted with the support of the Russian Humanitarian Foundation in the framework of the research project № 13-01-00018а «Scientists in the Conditions of Civil War: the Practice of Survival».

Any opinions or claims contained in this Working Paper do not necessarily reflect the views of the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

2014–2020 гг. – время столетия эпохальных событий российской и мировой истории. Перманентный и мощный поток исследований (впрочем, как литературных произведений, документальных и художественных фильмов) по истории Первой мировой войны, революции и Гражданской войны свидетельствует и о профессиональном интересе, и о востребованности обществом. Наряду с традиционно доминирующими трудами по военным и политическим аспектам темы, появляются работы, отражающие социокультурные процессы.

Настоящий текст представляет собой опыт систематизации основных направлений, особенностей интеллектуальной миграции 1914–1920 гг. и ее последствий (главным образом, на примере Юга России).

Источниковая база предпринятого исследования обладает определенной спецификой. Особое значение придается художественным текстам, современным событиям. Они – результат непосредственных впечатлений, мгновенный слепок с самой атмосферы эпохи. Произведения Н. Тэффи, Дон-Аминадо, А. Аверченко, С. Маршака, М. Булгакова, В. Клопотовского и др. во всей полноте воссоздавали атмосферу новых культурных центров. Особенно это удалось С. Маршаку, в 1918–1920 гг. печатавшемуся под псевдонимом Д-р Фрикен в екатеринодарской газете «Утро Юга». Его стихотворные фельетоны отразили всю палитру культурных трансформаций под воздействием интеллектуальной миграции, социальных и политических изменений.

Помимо художественных произведений, высокой степенью информативности обладают провинциальная периодика 1914–1920 гг., мемуары, дневники, частная переписка, делопроизводственные документы различных ведомств, учреждений культуры, науки, образования.

Интеллектуальная миграция 1914–1920 гг., с одной стороны, «вписана» в основные миграционные потоки тех лет, с другой – имеет определенную специфику, связанную с большей привязкой к крупным городам, образовательным и научным центрам.

В предложенных хронологических рамках выделяются два периода: 1914–1917; 1918–1920. Каждый из них характеризуется своими причинами и направлениями интеллектуальной миграции.

Первая мировая война, как известно, спровоцировала массовую миграцию. Т.к ее основные направления достаточно подробно описаны зарубежными и отечественными историками, в рамках представленной статьи логично сосредоточиться исключительно на перемещениях научной интеллигенции.

В годы войны с территории военных действий эвакуировалось не только население, но и учреждения образования и культуры. Министерство народного просвещения, возглавляемое графом П. Н. Игнатьевым, командировало профессоров вузов, подлежавших эвакуации, в конкретные города (как правило, несколько) для выяснения возможности размещения учебного заведения. Они встречались с руководством региона, представителями органов местного самоуправления, общественных и научных организаций, всеми заинтересованными лицами. Составлялись аргументированные ходатайства с обоснованием необходимости подготовки в регионе кадров высшей квалификации, подтверждением наличия материальной базы, культурной инфраструктуры и т.д.

В Саратов был частично эвакуирован Киевский университет, Киевский коммерческий и Дерптский ветеринарный институты. В Ростов-на-Дону переехал Варшавский университет (до этого в одном из крупных коммерческих центров России не было ни одного научно-учебного заведения), несколько месяцев в этом же городе располагалась эвакуированная Киевская консерватория во главе с Р. М. Глиэром. В Новочеркасск перебазировался Варшавский ветеринарный институт. И этот список можно продолжить.

Перспектива эвакуации крупных университетов, правительственные проекты организации новых вузов стимулировали соперничество российских городов за право стать университетским/вузовским центром. В «гонку»

включились Екатеринбург, Ставрополь, Воронеж, Владикавказ, Керчь и др. [15].

Некоторые столичные преподаватели переехали в Пермь – филиал Петроградского университета (он открывался на случай необходимости эвакуации университета из столицы). В 1917 г. филиал стал Пермским университетом. Старые университеты (Томский, Саратовский) дополнялись новыми факультетами. Так, Временное правительство приняло решение о создании в Саратовском университете историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов. Таким образом, университет приобретал облик классического [1, с. 92]. В планах Министерства народного просвещения, касающихся высшего образования, значились Тифлис, Иркутск и Ташкент.

Предпринимались значительные усилия для создания университета в Симферополе. Непосредственно перед Февральской революцией органы местного самоуправления Иркутска подготовили проект открытия университета. Их коллеги из Владивостока поставили вопрос о создании Приамурского университета на базе Восточного института. Планы эти реализовались в ближайшие годы.

Появление новых вузов, факультетов, кафедр в российских регионах вызвало переезд туда столичных молодых талантливых ученых, надеявшихся на быстрое получение профессорских должностей и возможность возглавлять кафедры. Как верно заметил А. Н. Дмитриев, «как раз новосозданные университеты после 1914-го и особенно 1917 годов становятся местом приложения сил и знаний тех, кому было слишком тесно или некомфортно в прежней “геронтократической” системе столичных университетов» [10, с. 148].

Представители различных групп городского сообщества были вовлечены в обслуживание высших учебных заведений: подбирались и ремонтировались помещения (как учебные, так и жилые – для расселения

профессоров и студентов), модернизировались типографии (приобретались новые шрифты, математические и астрономические знаки) и т. д.

Так или иначе, преобразовывались городской ландшафт и интеллектуальная атмосфера. Профессора эвакуированных университетов становились инициаторами создания частных вузов, как правило, женских. Они же преподавали в городских гимназиях. Облегчался доступ к высшему образованию провинциальной молодежи.

Достаточно быстро происходило вовлечение профессуры в просветительскую деятельность в рамках местных обществ народных университетов, музеев и других учреждений. Профессора (сами – беженцы) становились активными членами всевозможных комитетов помощи беженцам, участвовали в оборонно-организационных мероприятиях, благотворительных акциях. Университетские клиники объективно улучшали уровень медицинского обслуживания населения, становились местом переподготовки врачей.

В целом, миграция, связанная с эвакуацией высших учебных заведений и созданием новых, способствовала интеллектуализации российских регионов.

Февральская революция стимулировала интеллектуальную миграцию особого рода – возвращение на родину (Украину, Кавказ, в Закавказье) интеллигенции, объединенной стремлением внести вклад в национальное возрождение своего народа.

Параллельно, по мере ухудшения ситуации в столицах, начался отток населения в рекреационные зоны. «Весной 1917 г. многие петербуржцы бежали в свои поместья в Крым» – вспоминал князь Ф. Юсупов [30, с. 235]. Причем уезжала не только аристократия.

Летние поездки 1917 г. на курорты Крыма и Кавказа, южные гастроли для части населения не завершились традиционным возвращением осенью. Многие курортники, выздоравливающие из многочисленных лазаретов, гастролирующие коллективы стали рассредоточиваться в городах Юга.

Пианист, композитор и музыкальный педагог М. Ф. Гнесин писал 15 ноября 1917 г. сестрам в Москву из Ростова-на-Дону: «Количество населения у нас теперь как в каком-нибудь столичном городе, говорят около 700 тысяч. <...> У меня очень хорошие уроки» [26, л. 45].

Новый этап миграции в целом и интеллектуальной в частности начался после Октября 1917 г. Его содержание не нашло еще адекватного своей значимости отражения в историографии. Ведь много десятилетий, как отмечал академик Ю. А. Поляков, «силы, противостоящие Советам, не рассматривались практически в качестве субъекта исторического процесса. <...> Контрреволюционный лагерь как бы служил фоном, на котором разворачивались действия основных сил» [22, с. 292]. Исследователи априори утверждали, что бежала лишь буржуазия и испуганная интеллигенция, одурманенная антибольшевистской пропагандой (достаточно вспомнить «даму с картонками» из «Мистерии-буфф» В. Маяковского).

Учитывая историографическую ситуацию, остановимся на характеристике основных центров миграции населения (главным образом южнороссийских).

Массовый отток населения из столиц последовал в 1918 г. Это подтверждают и мемуаристы, и объявления о приезде столичных знаменитостей в провинциальной прессе, соответствующая информация – в столичной. Трудная голодная зима и весна в Петрограде и Москве, пошатнувшаяся уверенность в кратковременности большевистского правления, разгон Учредительного собрания, закрытие «буржуазных» органов печати, введение политики «военного коммунизма» подвигли многих на отъезд. Предпочтение отдавалось Югу и хлебным местам. На Урале и в Сибири жизнь была тоже дешевле и сытней, чем в Москве и Петрограде.

«... Мы все бежали понемногу, куда-нибудь и как-нибудь» – писал в сатирической поэме «Онегин наших дней» В. Клопотовский (Лери) [18, с. 13].

В течение всего 1918 г. самым популярным центром столичного беженства была Украина, прежде всего Киев. «Всю весну, начиная с избрания гетмана, он наполнялся и наполнялся пришельцами» – констатировал очевидец происходившего М. Булгаков [5, с. 57]. «Со времен половцев и печенегов не запомнит древний город такого набега, нашествия, многолюдства» – вторил ему Дон-Аминадо [13, с. 218]. Журналист Л. Никулин осенью 1918 г. сравнивал Киев с четвертым Римом: «Жизнь как будто бьет ключом, но над всем этим круговоротом, над плакатами и электрическими вывесками театров висит какая-то тягостная, разъедающая тоска» [21, с. 8].

Крупный культурный центр, находившийся сравнительно недалеко от российских столиц, обеспеченный продовольствием, столица независимого (а значит вне большевистской юрисдикции) государства, власти которого не ставили серьезных заслонов перед беженцами, один из центров российской контрреволюции – с точки зрения мигрантов это были очень веские аргументы в пользу Киева.

Немецкая оккупация, имевшая целью разграбление Украины, с чисто внешней стороны благоприятно отразилась на украинской столице. «...Как по мановению волшебного жеста, без всяких угроз... исчезли всякие грабежи и насилия. Обыватель вздохнул свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицам. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрым темпом свою вечную суетливую музыку» – вспоминал современник [19, с. 83]. Мемуаристы подчеркивали особенности внешнего облика оккупированного немцами Киева: непривычную чистоту (даже на железнодорожном вокзале), немецкие вывески, выступления художественных коллективов из Германии, огромное количество развлекательных учреждений.

Из других украинских городов, ставших центрами сосредоточения столичных беженцев, выделим Харьков и Одессу.

Беженские потоки во многом были детерминированы начавшимся «красно-белым» противостоянием. Так, в феврале – марте 1918 года на Украину бежали и с советского Дона.

В конце 1918 г. Украина начала терять былую привлекательность для беженцев. Киев заняли войска Петлюры. По сравнению с относительно либеральным ко всему русскому (и вообще неукраинскому) германско-гетманским режимом, Директория выглядела слишком ортодоксальной.

Установление в начале 1919 г. советской власти на Украине (в некоторых районах более чем на полгода) почти на «нет» свели поток мигрантов. Многие покинули регион. До апреля 1919 г. большинство делало ставку на оккупированную французами Одессу, но после временной победы Советов и там, маршрут пришлось откорректировать и принять решение в пользу Кубани, Дона, других несоветских территорий.

Когда в августе 1919 г. Украина стала подвластной Добровольческой армии, в Одессе и Харькове повторилась миграционная ситуация 1918 г. Из Киева же, напротив, многие уехали. Украинскую столицу рассматривали как взрывоопасное место, памятуя о конфронтации между деникинцами и властями Украины в недавнем прошлом, о мощном размахе советского строительства в Киеве, активными участниками которого были многие представители интеллигенции. Деникинский режим не скрывал неприязни ко всему украинскому, в т. ч. ее вузам, научным учреждениям, включая «новорожденную» Академию наук.

Крупные центры беженства сформировались на Кубани и Дону, отчасти на Тереке. После падения там советской власти (соответственно в мае, августе 1918 и начале 1919 г.) эти районы являлись важнейшим оплотом, с одной стороны, казачьих правительств, с другой – Добровольческой армии.

Екатеринодар стал официальным центром российской контрреволюции. Ярко и образно ситуацию «прокомментировала» в мемуарах З. Жемчужная «Тихий провинциальный Екатеринодар превратился

в столицу <....> Крупная буржуазия, дипломаты, чиновники, адвокаты, политики, шикарно одетые женщины наводняли улицы и днем и ночью <....> Гастролировали столичные артисты большой и малой сцены <...> Общее впечатление было как от “пира во время чумы”» [17, с. 235].

*Сколько влиятельных лиц петроградских,
Сколько советников тайных и статских,
Сколько ученых, артистов, вельмож,
Месяц глубокую грязь без калош... –*

писал С. Я. Маршак [11, с. 405].

Полтора года Екатеринодар был относительно удален от линии фронта, что создавало ощущение стабильности. Кроме того, недалеко находился портовый Новороссийск.

Многие беженцы, вначале осевшие в Киеве, Одессе, Харькове, отчасти в Крыму с установлением там советской власти в начале 1919 года, перебирались на Дон, Кубань, в район Кавказских Минеральных Вод. Не прекратился поток мигрантов непосредственно из столиц. Ведь ситуация в Москве и Петрограде не стабилизировалась.

В июне 1919 г. командование Добровольческой армии, а вслед за ним и правительственные учреждения, включая Осведомительное агентство, переехали в Ростов-на-Дону. Здесь и сосредоточилось теперь особенно много приезжих, в том числе представителей столичных культурных кругов.

Ростов-на-Дону в интерпретации В. Клопотовского (Лери) выглядел следующим образом:

*Кипел Ростов... Попавши в случай,
Он дней напрасно не терял
И вместе с жизнью кипучей
Стиль петербургский перенял.
И закружилась в роли новой,
Когда явились на Садовой
Весь Петербург и вся Москва –*

Провинциала голова... [18, с. 57]

«Когда-нибудь Ростов будут посещать туристы. Город, в котором жила вся Россия» – писал известный донской журналист В. Севский [25, с. 2].

В конце 1919 г. Одесса, Ростов, Екатеринодар, Новороссийск стали свидетелями грандиозного отступления Белой армии и бесконечной цепи беженцев, двигавшихся по направлению к портам. Главными «воротами» для не желающих дожидаться большевиков в то время были Новороссийск и Одесса (отчасти Николаев).

В Новороссийске эпидемия тифа (жертвами которой стали, в том числе, видные политики и деятели культуры), норд-ост и общее подавленное настроение буквально подталкивали людей к кораблям. «А на улицах все гробы. Иногда с музыкой, редко с помпой. Чаще бегом, рысью, на тех же дорогах люди. За Трубецким шло 20 человек...» – записала в дневник общественный деятель, член кадетской партии А. В. Тыркова 9 февраля 1920 г. [20, с. 238]. Новороссийский порт стал для многих эмигрантов символом прощания с Родиной.

И Крым, и Грузия принимали беженцев в течение всего периода Гражданской войны, но в 1920 г. эти территории переживали настоящий беженский бум.

Крым, несмотря на смену политических режимов, привлекал беженцев удаленностью от главных центров военного противостояния, наличием значительного количества курортных городков и поселков с жилым фондом (включая дачи состоятельных столичных жителей). Немало беженцев скопилось в Ялте, Симферополе, Севастополе, Феодосии, Судаче, Батилимане, других населенных пунктах. В Ялте бурную деятельность развил редактор петербургского «Аполлона» С. Маковский, в местной газете дебютировал юный В. Набоков.

Ореолом романтики были овеяны представления о Коктебеле, где находились дачи и дома многих известных в мире искусства личностей: В. Вересаева, Г. Петрова (попа-расстриги, литератора, публициста),

писательницы П. Соловьевой, певицы М. Дейши-Сионицкой и, конечно, М. Волошина. Среди кошмара Гражданской войны на Юге ходили рассказы об этом «райском уголке» – республике художников и поэтов. Отдельные моменты были явно преувеличены, но так или иначе, в Коктебеле в то время искали (и нашли), как писал М. Волошин в стихотворении «Дом поэта», «убежища, защиты и совета» не только «фанатики непримиримых вер – красный вождь и белый офицер», но и множество людей искусства: О. Мандельштам, И. Эренбург, Н. Евреинов.

В 1920 г. Крым стал последним оплотом Белой армии; сюда бежали те, кто верил в полководческий и организаторский талант Врангеля, а также рассчитывавшие на близость портов.

Специфический очаг беженства представляла собой Грузия. Главным центром для переселенцев был Тифлис, и лишь отчасти отдельные черноморские города. Например, своеобразное культурное гнездо, связанное с деятельностью известного петербургского театрального художника князя А. К. Шервашидзе (Чачба), его гостей возникло в годы Гражданской войны в Сухуми.

Само слово «Тифлис» традиционно ассоциировалось со всевозможными удовольствиями. М. Булгаков в одном из ранних автобиографических произведений сформулировал их так: «1) в Тифлисе открыты все магазины; 2) в Тифлисе есть вино; 3) в Тифлисе очень жарко и дешевы фрукты; 4) в Тифлисе очень много газет...» [6, с. 115].

Именно это, вероятно, в первую очередь учитывали те, кто выбрал грузинскую столицу в качестве места временного проживания. Кроме того, Тифлис был крупным культурным и научным центром (а в годы Гражданской войны стал университетским), где глубокие корни имели не только грузинские, но и русские, и армянские традиции. Веским аргументом была относительная удаленность Грузии от России, ее неучастие в Гражданской войне. В то же время в представлениях

большинства россиян Грузия все-таки была частью России. В отличие от других регионов Юга, в Грузии, по сути, ни разу не менялась власть.

Писатель Г. Алексеев, вспоминая собрание интеллигенции в советской Одессе 1919 года, привел маленькую, но характерную деталь: «Бунин склоняется к Нилусу.– Хорошо бы, говорит он задумчиво, – хорошо бы сейчас уехать в ... Грузию» [2, с. 31].

Известный художник С. Судейкин из Тифлиса писал В. Мейерхольду в Новороссийск в 1919 г.: «Художественная жизнь Тифлиса весьма многообразна для нашей эпохи и такой исключительный художник как вы могли бы здесь сделать многое» [24, л. 3].

В 1920 г. Тифлис был буквально перенаселен москвичами, петроградцами, киевлянами, ростовчанами, т. е. как беженцами непосредственно из столиц, так и столичными жителями, уже пожившими на Юге, и южан, бежавшими от большевиков.

Крупные центры беженства сложились на Севере и на Востоке страны. В 1918–1919 гг. особую роль играл колчаковский Омск. «Никогда прежде и, наверное, никогда в своем будущем Омск не сможет походить на тот бурливый муравейник, которым он был зимой 1918 и летом 1919 г., являясь центром белой власти <...>. В Омске проживала вся интеллигенция, дворянство, профессора, торговый класс, духовенство из Казани, Самары, Симбирска, из Перми, Уфы, а, потом, Екатеринбурга <...>, представители воинских частей и дипломаты чуть ли не половины Европы» – вспоминал журналист Л. Арнольд [3, с. 202–203]. Н. Устрялов записывал в дневнике: «Сам по себе Омск занят, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление» [27, с. 289]. «Своим бизнес размахом Омск напоминает Петроград, но дух его ближе к московскому» – сообщал родственникам в США в конце 1918 г. представитель молодёжной христианской организации (УМСА) [31, р. 260].

Кроме количественно возросшего населения, в том числе за счет петроградцев и москвичей, атрибутами «столичности» в провинциальных

городах, особенно местах дислокации политических режимов, были многочисленные бюрократические структуры («Громче гудков и трамвайного звона в городе слышится стук ремингтона. Перья скрипят и бумага шуршит, стая курьеров куда-то спешит» [11, с. 405], большое количество периодических изданий, образовательных, научных центров, учреждений искусства, тон в которых задавали столичные силы.

Говоря об интеллектуальной миграции 1918–1920 гг., необходимо отметить следующее. Направления перемещений научной интеллигенции в целом совпадали с миграционными потоками, однако в большей степени зависели от наличия (или перспектив) научной и образовательной инфраструктуры.

Как известно, революционные годы стали временем вузовского «бума» – как на советских территориях, так и за их пределами. В 1918–1919 гг. вузы активно создавались в местах массовой миграции ученых и потенциальных студентов. Вне границ советской России появились Таврический университет в Симферополе, Екатеринославский, Иркутский, Тифлисский, Бакинский, Астраханский университеты, политехнические институты в Одессе, Владикавказе, Екатеринодаре, сельскохозяйственные вузы в Одессе и Омске, Ставрополе, коммерческий и археологический институты в Ростове-на-Дону и т. д. Как грибы после дождя росли консерватории [14].

Здесь политехникума два

Открыли аудитории.

А если правильна молва,–

И две консерватории –

комментирует ситуацию в Екатеринодаре С.Я. Маршак [12, с. 2].

На волне Февральской революции и обретения Украиной независимости были созданы Украинская педагогическая академия, Украинский народный университет (в 1918 г. преобразованный в Украинский университет), новые вузы и кафедры в других городах.

Важной составляющей интеллектуальной жизни революционных лет была деятельность научно-исследовательских центров, в том числе новых (Украинская академия наук, Совет обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), Таврическая научная ассоциация, Кавказский историко-археологический институт, Институт исследования Сибири, Северная научно-промышленная ассоциация и др.).

Местонахождение указанных учреждений совпадало с наибольшей концентрацией научной интеллигенции.

Кадровый состав региональных вузов и научных организаций можно назвать уникальным. Зная ситуацию в интеллектуальной жизни «изнутри» биолог П. Гальцов писал, что университеты и политехникумы были, «в большинстве случаев крайне бедно обставленные, но иногда богатые такими именами, которым мог бы позавидовать любой западноевропейский университет» [8, с. 27].

Например, в созданных в 1918 г. политехнических институтах Екатеринодара работали бывший начальник Кронштадтского морского инженерного училища математик А. И. Пароменский, декан электромеханического факультета Петроградского Женского политехнического института, изобретатель телевидения Б. Л. Розинг, Заслуженный профессор Петроградского технологического института Б. М. Коялович, заведующий кафедрой керамической технологии Петроградского технологического института, редактор журнала «Сельское огнестойкое строительство» А. М. Соколов, бывший ректор Петроградского политехнического института А. А. Радциг, математик, автор многократно переиздававшихся школьных задачников Н. А. Шапошников, заслуженный профессор Петроградского политехнического института, автор первой в России книги по паровым турбинам Г. Н. Пио-Ульский и др.

В молодом Иркутском университете преподавали И. Г. Франк-Каменецкий – доктор философии Кенигсбергского университета,

известный египтолог, А. М. Селищев – лингвист, впоследствии член-корреспондент академий наук СССР и Болгарии, один из крупнейших русских славистов XX в.

В вузах Томска работали будущие действительные члены АН СССР Г. А. Шайн, В. Д. Кузнецов, А. А. Рихтер, Н. П. Чижевский.

Множество известных ученых, среди которых видные представители дореволюционной академической и вузовской науки (В. И. Вернадский, В. И. Палладин, Д. В. Айналов и др.) и будущие советские академики (Н. М. Крылов, И. Е. Тамм, Н. К. Гудзий, Б. Д. Греков и др.) работало в Таврическом университете. Как отмечал Н. К. Гудзий в статье, посвященной первой годовщине университета, «при выборе кандидатов на занятие кафедр Совет профессоров имеет право действительно выбирать, т. к. нередко на одну вакансию имеется несколько кандидатов и притом в ряде случаев весьма солидных» [28, с. 235].

Блестящим педагогическим составом, за счет профессоров Московской и Петроградской консерваторий, отличались региональные музыкальные вузы, в т. ч. новые.

Обычным явлением стали специальные «экспедиции» организаторов и руководителей вузов для личных переговоров с теми или иными претендентами на профессорско-преподавательские должности, во время которых их пытались «соблазнить» не только возможностью занять определенные кафедры и продолжать работу в более-менее спокойных условиях, но и гарантиями достаточного финансового обеспечения. В условиях Гражданской войны, разрухи и голода это было иногда решающим доводом.

Например, когда по инициативе ученых Донского университета был создан Донской Археологический институт в Ростове-на-Дону по образцу Московского археологического института для подготовки историков искусств, архивоведов и археологов, проректор – ученый археолог А. Ходоровский предпринял «экспедицию» на Украину. Он пытался

привлечь к преподаванию в вузе известных историков М. Довнар-Запольского, Н. Полонскую и др. [29, с. 93].

Первый ректор Саратовского университета В. И. Разумовский, назначенный в 1917 г. главным хирургом Кавказского фронта, ректором университетов в Тбилиси (1918) и Баку (1919) вспоминал, как совместно с деканом историко-филологического факультета Н. А. Дубровским в сентябре 1919 г. предпринял поездку в Ростов-на-Дону и Екатеринослав, где вел переговоры с целью формирования штатов Бакинского университета. Попутно ученые знакомились с постановкой работы в университетах, посещали заседания научных обществ. «Несмотря на разруху, бывшую при Деникине тогда во всем крае, университетская жизнь текла там правильно, и велась интенсивная научная работа» – писал В. И. Разумовский [23, с. 424].

Многие, уже избранные по конкурсу преподаватели, не доезжали до места назначения. В автобиографиях и мемуарах они объясняли это разрухой, расстройством железнодорожного сообщения, начавшимися военными действиями и пр. В действительности главной причиной являлось установление советской власти. Решение о смене маршрута принималось почти молниеносно. Важную роль в принятии подобных решений играла переписка с коллегами, не прекращавшаяся даже в экстремальных условиях.

В годы Гражданской войны ученые нередко переезжали из одного университетского города в другой, не задерживаясь на одном месте больше учебного года. Имели место случаи эвакуации университетов в тыл Белой армии: Казанского в сентябре 1918 г. и Пермского летом 1919 г. в Томск.

Вузы, научные общества и учреждения российских регионов представляли собой своеобразное пространство профессиональной и личностной коммуникации провинциальной интеллигенции и столичных ученых. Последние, с одной стороны, интеллектуально обогащали коллег из регионов, с другой, – имели возможность расширить собственные познания. В. И. Вернадский выступал с докладом о живом веществе в

научных обществах практически всех городов, которые посещал в годы Гражданской войны, возлагая особые надежды на прения, «фиксирующие мысль». Поражают оптимизмом строки из дневника ученого, написанные в конце 1919 г.: «Неожиданно выяснилась возможность принять участие в организации широких исследований Азовского моря и Кубани. <...> Сама судьба дает в мои руки возможность приложить проверку моих выкладок в широком масштабе» [7, с. 192].

Военные успехи Красной армии стимулировали оперативное принятие решений, касавшихся места дальнейшей жизни и профессиональной деятельности: в России или за рубежом. Выяснение возможного трудоустройства для себя и коллег происходило в ходе редких зарубежных командировок 1918–1920 гг., переписки с зарубежными коллегами и официальными лицами.

В ряде случаев эмиграция «маскировалась» под научную командировку. Так, накануне и сразу после занятия Одессы большевиками вузовские преподаватели именно таким образом уезжали с семьями за границу. В документах Новороссийского университета имеется заверенная секретарем правления вуза копия списка «командированных с научной целью за границу в декабре 1919 г. и в январе 1920 г.» [9, л. 119]. В списке – 31 фамилия: 15 профессоров, 3 доцента, 8 приват-доцентов, ассистенты. Среди них будущие профессора Белградского университета – ректор Новороссийского университета А. Д. Билимович (брат известного экономиста Александра Билимовича), механик, математик и А. П. Доброклонский, декан историко-филологического факультета, редактор «Записок Новороссийского университета», историк церкви; П. М. Бицилли – будущий профессор Софийского университета, специалист по культуре средневековья. Молодежь была представлена К. И. Мочульским, будущим преподавателем истории русской литературы и философии Сорбонны, Г. В. Флоровским, впоследствии протоиереем, профессором ряда европейских и американских университетов.

Несмотря на эмиграцию части профессуры, в региональных вузах, в т.ч. новых, и после установления советской власти продолжали работать те, кто до революции преподавал в самых престижных университетах и институтах.

Начиная с 1921 г., в связи с нарастанием продовольственных и иных трудностей даже в ранее благополучных регионах, обозначилась тенденция возвращения ученых в основные центры академической науки [16]. Известный геолог, профессор (а в 1917–1918 гг. – ректор) Новочеркасского политехнического института П. П. Сущинский писал в марте 1921 г. академику А. Е. Ферсману: «Если бы были сносные условия сообщения и житья в Петрограде, я бы, не задумываясь, бросил здешнюю профессуру и переехал бы в Петроград» [4, л. 32].

Несмотря на противодействие властей, бегство ученых в Москву и Петроград (особенно после налаживания железнодорожного сообщения, начала НЭПа, означавшего идеологические послабления) было столь же интенсивным, как всего несколько лет назад из революционных столиц на окраины, прежде всего, южные, бывшей Российской империи.

Вернулись в столицы далеко не все. Тот же П. П. Сущинский, назначенный в 1922 г. ректором Новочеркасского политехнического института, работал на Дону вплоть до ареста в 1931 г. В вузах Краснодара в 1920-е гг. преподавали один из основоположников отечественной зоотехнической науки А. А. Малигонов, известный ботаник П. И. Мищенко. Медицинский институт возглавлял крупный патологоанатом Н. Ф. Мельников-Разведенков, Кубанский химико-бактериологический институт (научно-исследовательский) – всемирно известный микробиолог И. Г. Савченко. В Таврическом университете, несмотря на отъезд в 1921 г. его ректора В. И. Вернадского в Петроград, долгое время сохранялся костяк, сложившийся в 1918–1920 гг.

Большинство образовательных и научных учреждений, возникших в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в

российских регионах, в дальнейшем выжило, несмотря на то, что многие, стоявшие у их истоков ученые, эмигрировали или возвратились в Москву и Петроград.

Подведем итоги. Одним из последствий Первой мировой войны, революции и Гражданской войны стала интеллектуальная миграция. Перемещение научных сил в 1914–1917 гг. происходило как в рамках организованной эвакуации образовательных и научных учреждений из зоны военных действий, так и добровольного переезда преподавателей из столиц в новые вузы. В 1918–1919 гг. научная интеллигенция в общем потоке бежала из Петрограда и Москвы преимущественно в южном направлении. Вплоть до окончания Гражданской войны передвижения ученых во многом были детерминированы ситуацией на фронтах. Значительная концентрация столичной научной интеллигенции, интенсивная коммуникация столичных и региональных ученых в рамках создания научной и образовательной инфраструктуры стала важным фактором, обусловившим серьезные изменения географии науки и высшего образования.

Использованная политика:

1. Аврус А. И., Гапоненков А. А. Саратовский университет в годы революции и Гражданской войны (1917–1920) // Российская история. 2009. №4. С. 91–103.
2. Алексеев Г. Живые встречи // Сполохи. 1922. № 5. С. 30–32.
3. Арнольдов Л. В. Жизнь и революция. Шанхай, 1935.
4. Архив Российской Академии наук. Ф. 544. Оп. 8. Д. 462. Л. 31–32.
5. Булгаков М. А. Белая гвардия // Белая Гвардия. Мастер и Маргарита. Киев: Молодь, 1989.
6. Булгаков М. А. Записки на манжетах // Багровый остров. Ранняя сатирическая проза. М: Художественная литература, 1990. С.115.
7. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. (октябрь 1917 – январь 1920). Киев: Наукова думка, 1994.
8. Гальцов П. С. Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.) // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 27–31.
9. Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2030. Л. 119.
10. Дмитриев А. Н. По ту сторону «университетского вопроса» правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы

(1900-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204.

11. Д-р Фрикен Сказочный город // Куценко И. Я. С. Я. Маршак в Екатеринодаре–Краснодаре. 1918–1922. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1997. С. 405–406.

12. Д-р Фрикен Кубанский дуализм // Утро Юга. 1919. 14 (27) февр. С. 2.

13. Дон–Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954.

14. Еремеева А. Н. Вузы российских регионов в условиях гражданского противостояния (1917–1920) // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2013. №3. С. 88–92.

15. Еремеева А. Н. Высшие учебные заведения, власть и общество российских регионов в годы Первой мировой войны // Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала I Мировой войны): материалы Международной научной конференции. Архангельск: Изд. дом Северного (Арктического) федерального ун-та, 2014. С. 304–311.

16. Еремеева А. Н. «Или уеду, или умру»: «выездные» настроения интеллигенции южнороссийских городов в начале 1920-х гг. // История и историки в контексте времени. 2014. №2. С. 84–91.

17. Жемчужная З. Н. Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин. Воспоминания. Tenaflly (N. J.): Эрмитаж, 1987.

18. Лери. Онегин наших дней. Сатирическая поэма. Берлин, б/г.

19. Могилянский Н. М. Трагедия Украины // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XI. С. 74–105.

20. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н. И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012.

21. Никулин Л. Четвертый Рим (письмо из Киева) // Мельпомена. 1918. № 29. С. 8.

22. Поляков Ю. А. Поиски новых подходов в изучении истории гражданской войны в России. // Россия в XX в.: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 280–288.

23. Разумовский В. И. Поездка из Баку в Ростов и Екатеринослав за профессорами (1919) // Новый хирургический архив Днепропетровск, 1931. Т. 23. Кн. 3–4. С. 423–426.

24. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 235.

25. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 998. Оп. 1. Д. 2405.

26. Севский В. Сегодняшний день // Приазовский край. 1919. 5 (19) дек.

27. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб, 1991. №2. С. 283–339.

28. Филимонов С. Б. Как в 1919 г. отмечали первую годовщину Таврического университета // Брега Тавриды. 2008. № 6. С. 234–239.

29. Юркова О. Митрофан Довнар-Запольский: ростовский август 1918-го // Сёмыя Міжнародныя Доўнараўскія Чытанні: матэрыялы Міжнароднай

науковай канферэнцыі, Рэчыца, 1–2 кастрычніка 2010 г. Гомель УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2010. С. 80–87.

30. Юсупов Ф. Ф. Мемуары: в 2-х кн.: : До изгнания, 1887–1919; В изгнании. М.: Захаров. 2014.

31. Witness to Revolution. Letter from Russia 1916–1919 by Edward T. Heald / ed. by James B. Gidney. Kent, OH: Kent State University Press, 1972.